

Лютый беспредел

Про книгу

Лихие 90-е возвращаются. Преступные группировки снова держат город Неверск в страхе, диктуя свои правила его жителям. Ради денег и выгоды «братки» готовы запятнать руки кровью. Во время разборок между бандами гибнет сын Карачая. Жена Карачая умирает, не в силах пережить это горе. Потеряв всех близких, мужчина жаждет мести. Но один в поле не воин. У Карачая появляется союзница. Ольга намеревается поквитаться за поруганную честь сестры. Не рассчитывая на помощь законников, эти двое объявляют войну криминалу. И нет никаких гарантий, что они выживут в этой отчаянной схватке...

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

ЛЮТЫЙ БЕСПРЕДЕЛ







СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

ЛЮТЫЙ БЕСПРЕДЕЛ

РОМАН

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2021  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА



Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8765-5 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:



Лихі 90-ті повертаються. Злочинні угруповання знову тримають місто Неверськ у страху, диктуючи свої правила його мешканцям. Заради грошей і зиску «братки» готові заплямувати руки кров'ю. Під час розборок між бандами гине син Карачая. Дружина Карачая помирає, не маючи сил пережити це горе. Утративши всіх близьких, чоловік жадає помсти. Але один у полі не воїн. У Карачая з'явилася союзниця. Ольга має намір поквитатися за зганьблену честь сестри. Не розраховуючи на допомогу законників, ці двоє оголошують війну криміналу. І немає ніяких гарантій, що вони виживуть у цій відчайдушній сутичці...

Майдуков С.

М14 Лютый беспредел : роман / Сергей Майдуков. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 256 с.

ISBN 978-617-12-8636-8

Лихие 90-е возвращаются. Преступные группировки снова держат город Неверск в страхе, диктуя свои правила его жителям. Ради денег и выгоды «братки» готовы запятнать

руки кровью. Во время разборок между бандами гибнет сын Карачая. Жена Карачая умирает, не в силах пережить это горе. Потеряв всех близких, мужчина жаждет мести. Но один в поле не воин. У Карачая появляется союзница. Ольга намеревается поквитаться за поруганную честь сестры. Не рассчитывая на помощь законников, эти двое объявляют войну криминалу. И нет никаких гарантий, что они выживут в этой отчаянной схватке...

УДК 821.161.1(477)

© Майдуков С. Г., 2021

© DepositPhotos.com / jag_cz, NunoMt, aijohn784, potowizard, rbvrbv, vicnt2815, zeferli@gmail.com, amazingmikael, domonite, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Глава 1. Ночь участкового

Старший участковый инспектор полиции майор Геннадий Ильич Карачай открыл глаза и поморгал, соображая, который час и долго ли он спал. За окном стояла ночь, глухая, темная, мрачная. Снег все никак не выпадал, и по ночам Неверск окунался во мрак, как в чернила. Если в начале осени уличные фонари горели через один, то в ноябре их вообще отключили для экономии. Свет исходил только от автомобильных фар, редких светящихся окон и вывесок, но вывески тоже включались далеко не все. Кризис, будь он неладен. Повторялись девяностые. Геннадий Ильич замечал все больше примет раздвая, безвластия и разрухи. И ведь перестройку никто не затевал. Оказалось достаточно череды карантинных и войн местного значения.

Кряхтя и покашливая, Геннадий Ильич сел на кушетке. Ее поставили в комнате дежурств, чтобы было где прикорнуть ночью, хотя, разумеется, это было строго воспрещено. Тем не менее все дежурные спали. Попробуй высиди двенадцать часов кряду, тараща глаза в монитор, книгу, телефон или просто в стену. За тридцать лет службы Геннадию Ильичу Карачаю удавалось это всего несколько раз, да и то во время авралов или семейных неурядиц.

Помещение, в котором он нес дежурство, было настолько привычным, что стен и обстановки как бы не существовало. Зато, если бы сюда вошел человек новый, со свежим взглядом, он сразу увидел бы множество деталей, давно ускользающих от внимания старожилов. Первое, что бросилось бы ему в глаза, это, пожалуй, схематическая карта Терешковского района города, вверенного заботам хозяина кабинета. Домики на ней были выпилены из пенопласта, зеленые насаждения обозначены соответствующей краской, а дороги неведомый умелец выложил лоскутами мелкого наждака, имитирующими цвет новехонького асфальта, который на самом деле в районе ни разу не менялся, а только латался, так что выглядел совершенно иначе.

Вторым по важности объектом в кабинете являлся нескороаемый шкаф в человеческий рост, небесно-голубой, трехдверный, неподъемный. Боковые стенки его были обклеены календариками, расписаниями поездов, выцветшими мордашками киноактрис и прочей

никому не нужной, устаревшей ерундой. Над шкафом выделялся прямоугольник более темных обоев, где когда-то был вывешен портрет то ли вождя пролетарской революции, то ли Феликса Эдмундовича Дзержинского, а может, и президента. Теперь каждый мог домысливать там лик кого угодно, на свое усмотрение.

Письменный стол был зажат в промежутке между несгораемым шкафом и подоконником, заставленным горшками с засохшими цветами, покрывшимися тиной стаканами, таким же позеленевшим графином, статуэтками, шахматными фигурками и всяким ненужным хламом. Чтобы сесть за стол, нужно было протиснуться между подоконником и шкафом. Человек, страдающий избыточным весом, вряд ли сумел бы это сделать.

Геннадий Ильич был жилист, сухопар, грудь имел обыкновение выпячивать, а зад — отставлять, на манер бойцовского пса, что как-то компенсировало невысокий рост и узковатые плечи. В общем, он производил впечатление сильного мужчины с характером, каковым и являлся.

Размявшись, он аккуратно сложил плед, завернул в него подушечку-думку и спрятал постельные принадлежности подальше от глаз начальства в нижний ящик письменного стола. Остальные выдвигаемые ящики, как полагается, были забиты бумагами. Сколько ни объявляй двадцать первый век компьютерным, но почти всю документацию полицейские по-прежнему вели от руки. Майор Карачай тратил на писанину примерно половину своего рабочего времени.

Если бы кто-то имел возможность заглянуть в его стол, то он бы не мог не заметить на внутренней стороне дверцы замусоленный плакатик с изображением двух главных героев бессмертного сериала «Место встречи изменить нельзя». Следующим открытием наблюдателя стало бы несомненное сходство майора Карачая с капитаном Жегловым: такая же выдвинутая вперед нижняя губа, римский нос, сурово сдвинутые брови, высокий лоб под каштановой челкой. Вошедший немедленно заподозрил бы, что хозяин кабинета знает об этом сходстве, и оказался бы прав, вот почему плакат был скрыт от посторонних глаз.

Закрыв стол, Геннадий Ильич широко зевнул, потянулся и посмотрел на электронные часы, зеленые циферки которых показывали половину четвертого утра. Это означало, что пошли новые

сутки и день рождения формально наступил. Сегодня Геннадию Ильичу стукнет... уже стукнуло пятьдесят. Двадцатилетним пришел он в милицию и всю последующую жизнь провел на посту участкового своего микрорайона, являясь главным блюстителем закона для пяти тысяч жителей. Чуть что, все обращались к майору Карачаю: у того соседи шумят, у этих внук бабушку топором зарубил, там собаку отравили, здесь велосипед из подъезда сперли. Бытовуха? Рутинка? Но как раз из таких происшествий соткана изнанка жизни.

Профессиональный опыт приучил Геннадия Ильича видеть мир именно с этой темной, неприглядной стороны. Он смотрел на людей как на потенциальных потерпевших или нарушителей закона. Угадывал в них запойных алкоголиков, воров, наркоманов, проституток, растлителей малолетних, дебоширов, злостных неплательщиков алиментов и прочую публику подобного рода. Одни уже отбыли свои сроки, другие готовились к ходкам. Геннадий Ильич видел всех их насквозь. И мало что мог сделать для очищения общества от всякого отребья.

Почти все рабочее время уходило не на искоренение преступности, а на прием заявлений, проверку лицензий, на обходы территории, рейды и опросы населения, навязанные сверху. Убили кого-то — участковый обязан присутствовать при осмотре места происшествия. Подрались соседи — он тут как тут, рискуя получить молотком по голове или заточкой в живот. Склоки, жалобы, потоки лжи и сплетен, неаппетитные запахи чужих квартир, стычки с хулиганами, когда ты один против коды, пустые угрозы и реальные попытки проломить голову кирпичом в темном переулке. Всякое случается в жизни участкового. Обязанностей куча, ответственности выше крыши, а прав с гулькиным носом, раз-два и обчелся.

И здоровье одно. И жизнь. И семья, которую нужно еще умудриться сохранить после двадцати с лишним лет брака. Участковому никогда не хватает времени на близких. На себя — тоже. Где ему взяться, времени, когда в сутках всего двадцать четыре часа, а часы эти состоят из мимолетных, скоротечных минут, по шестьдесят в каждом? А ведь еще и поспать надо, и поесть, и побриться, и справить кучу разных человеческих надобностей, и просто поваляться на диване, черт подери... да, поваляться на диване, а кто имеет что-то против, тот

пусть в свободное время бегают, скачут, пляшут и стоят на голове, раз уж приспичило.

Геннадий Ильич спортом не занимался, однако и просто побездельничать перед телевизором удавалось ему нечасто.

Опытный глаз всегда определит в сотруднике полиции участкового инспектора. У него волосы отросшие, обувь нечищенная, форма мятая, заношенная, потому что приводить себя в порядок самому некогда, а жена из вредности помогает редко. В руке участкового вечно болтается либо пухлая папка, либо битком-набитый портфель, потому что каждый свой шаг он обязан фиксировать на бумаге, а бумаги эти таскаются с собой. Рапорты, журналы, протоколы, отчеты, всего не перечислишь. И все же майор Карачай приноровился как-то и себя в порядке содержать, и дела не запускать. Можно сказать, что он любил свою работу. Другой-то у него никогда не было. Из армии сразу в милицию, вот и весь его жизненный путь. И звание выше майорского ему не светило. Хорошо еще, что на службе пока держали. Геннадий Ильич совершенно не представлял себе, чем займется и как будет зарабатывать, когда его выпрут в отставку.

Эти вопросы посещали его в последнее время все чаще и не давали покоя, как зубная боль. Еще пока не острая, приглушенная, ноющая, но сулящая немалые страдания. Полтинник — он и есть полтинник, а трудовой стаж у полицейских короток. Сегодня ты при каком-никаком звании, должности, льготах и зарплате, а завтра пенсионную карточку тебе в зубы и на дачу, реечки на парники набивать в растянутых штанах и майке. Закат жизни называется. Они бывают красивые, закаты. Только что потом бывает, каждому известно.

Геннадий Ильич машинально взглянул на черный прямоугольник окна и увидел там свое отражение. Он был совсем еще не седой, волосы имел густые, лицо его, размытое стеклом, выглядело почти молодым, несмотря на жесткие носогубные складки и вертикальные штрихи морщин между бровями. Под коричневым пиджаком светлела рубаха с распахнутым воротом и полосатый вязаный джемпер, поддетый для тепла: в здании до сих пор не топили, а обогревательных приборов сотрудникам полиции не полагалось.

Хотя майор смотрел на себя не без удовольствия и некоторой внутренней гордости, мол, вот я какой молодец, он пробурчал:

— Ну и рожа у тебя, Гена. Ох и рожа.

Подмигнув оторопевшему двойнику, он сел, включил компьютер и стал просматривать сводку криминальных происшествий в Терешковском районе, частью которого являлся его участок. По причине ледяного дождя ночь выдалась относительно спокойная. На подотчетной территории Геннадия Ильича вообще не приключилось ни одного преступления. Машины не угоняли, женщин в лифтах не насиловали, ларьки не грабили. Благодать! Всегда бы так.

Геннадий Ильич хотел было погонять цветные шарики на компьютерном экране, когда позвонил дежурный по району и велел ехать на рынок, там опять бандитская разборка приключилась, три пулевых ранения, одно смертельное.

Майор Карачай, вздыхая, натянул узковатый кожаный плащ и такую же черную кепку. Рядом на вешалке висел прозрачный дождевик с капюшоном, который купила ему жена, уверенная, что никакие плащи и зонтики от ливней не спасают. Дождевик вызывал неприятные ассоциации с презервативом, поэтому Геннадий Ильич его так и не надел ни разу. Сегодня его рука сама потянулась к полиэстеровой накидке. Хворать было нельзя, никак нельзя. Больничный лист мог напомнить начальству о возрасте старшего участкового инспектора Терешковского микрорайона, а это было лишним.

В задумчивости пошуршав полиэстером, он пробормотал: «Мы в полиции, а не в институте благородных девиц», — запер дверь участка, погрузился в свою издавшую виды «шкоду» и поехал на рынок.

Как уже неоднократно отмечалось, район, в котором он жил и работал, назывался Терешковским. Кто и почему назвал его именем первой советской женщины-космонавта, являлось тайной, покрытой мраком. Никаких космодромов и космических объектов в Неверске сроду не водилось. Когда-то на месте Терешковского микрорайона находился военный аэродром, но маленький, временный, просуществовавший недолго. Зато в этих местах часто и охотно расстреливали и хоронили убиенных во рвах, одинаковых, что при Сталине, что при Гитлере, что снова при Сталине. Ревнителю исторической справедливости раскопали пару братских могил, сфотографировали черепа с костями, а на их месте возвели мемориалы: бетонный крест, опутанный настоящей колючей

провококой, и плиту из мраморной крошки с фамилиями опознанных жертв тоталитаризма. На большее их не хватило, большего никто от них и не требовал. Ныне живущим не было дела до забот прошлых поколений. Вскопывая свои незаконные огородики, они совершенно не задумывались, чьим прахом удобрена их земля, на чьих костях возвращена их картошечка, свеколка и морковочка.

Огороды эти были постоянной головной болью майора Карачая, потому что самовольные захватчики земельных наделов препятствовали свободному хождению граждан, стремившихся в лесополосы и рощи, чтобы выгулять там своих четвероногих питомцев или оздоровиться посредством бега трусцой. Как только начиналась пора первых урожаев, огородники выставляли сторожевые посты, несшие дежурство в хлипких хибарках и преграждавшие тропы, дабы злоумышленники не надергали себе лука и редиски. На этой почве даже случались мордобои, а недавно один не в меру активный земледелец проломил голову мальчику, позарившемуся на его малину. Майору тогда здорово влетело. До самой осени пришлось ему бродить по полям, снося хибарки и разгоняя огородников. И все в одиночку, потому что помощника участковому не полагалось, а у патрульной службы своих забот хватало.

Геннадий Ильич вспомнил эту историю, потому что ехал к рынку по объездной дороге, пролегавшей мимо огородов. Теперь на них было темно и безлюдно, вокруг вскопанных клаптиков земли высились белесые заросли бурьяна, из которых отсвечивали глаза бродячих кошек и собак. Блочные девятиэтажки беспорядочно высились там и сям, и редкие светящиеся окошки наводили тоску и печаль, понятную только тем, кто рос и жил в подобных спальных районах, как бы они ни назывались и в каких бы сторонах света ни находились.

Миновав пустырь, Геннадий Ильич свернул на узкую дорогу, покрытую выбоинами и непросыхающими лужами. «Шкоду» подбрасывало и раскачивало, как утлое суденышко, попавшее в жестокий шторм. Дождь не прекращался, пришлось включить дворники, чтобы избавиться от мутных водяных потоков, стекающих по лобовому стеклу. С одной стороны тянулась бесконечно длинная многоэтажка, прозванная в народе Китайской стеной. По левую руку угадывался темно-зеленый забор рыночной площади из металлических листов, местами отогнутых, местами помятых и на всем протяжении

обклеенных самодельными объявлениями. Входы и выходы рынка были обозначены мусорными баками, как всегда, набитыми доверху.

Геннадий Ильич свернул в один из таких проемов и увидел разноцветье фар, мигалок и сигнальных огней. Следственная бригада работала вовсю, прикрываясь зонтами и пакетами. По причине позднего времени зевак собралось мало — два никчемных бомжа с клетчатыми сумками, нетрезвый мужчина неопределенного возраста и какой-то совсем уж пьяный гражданин, не столько рассматривавший труп, сколько занятый сохранением собственного равновесия.

Геннадию Ильичу вдруг тоже захотелось выпить. Сильно. До скрежета зубного. Обстановка располагала. Вкупе с жизненными обстоятельствами. «Напьюсь, — решил он. — День рождения как-никак. Который, как пел один мой тезка, только ра-аз в го-оду».

Мелодия песни про то, как бегут неуклюже пешеходы по лужам, вертелась в его голове, когда он приблизился к начальнику оперативно-следственной бригады, чтобы представиться и получить задание.

— Опроси, вон, свидетеля, — распорядился следователь. — Сторож Власенко. Он тут по найму сразу несколько точек охраняет. Лыка не вяжет, сука. И от него несет, как от пивной бочки.

Разумеется, возиться с пьяным свидетелем было выше его прокурорского достоинства. Пришлось подключаться Геннадию Ильичу. Он отвел Власенко к срезу наклонной крыши и подержал там под потоком сбегавшей воды, пока сторож не сумел связно ответить на несколько дежурных вопросов. Только после этого Геннадий Ильич пустил его под саму крышу и развернул бланк протокола на папке. Бумага моментально расползлась и пошла ключьями. Геннадий Ильич вытер папку кепкой, нахлобучил ее обратно и достал новый бланк.

Полученные показания были отрывочными и путанными. Сторож Власенко проснулся среди ночи, чтобы совершить обход (а заодно добавить, как мысленно заключил майор), выбрался из подсобки и увидел много машин, съехавшихся на пяточке, разделяющем продуктовый и вещевой рынки...

Как знал каждый житель «Терешковки», первый состоял по большей части из однотипных прилавков под навесами, тогда как второй представлял собой ряды сооружений, напоминающих железные гаражи эпохи развитого социализма. Только в гаражах этих хранились

не «волги» с «жигулями», а различные товары, от обоев и штор до обуви, одежды и бытовой техники.

Рынок возник стихийно, когда рухнул прежний строй, и на его руинах распустились всякие поганки, паразиты и плесень. Торговцев и челноков тотчас подмяли под себя бандиты, как новоявленные, из спортсменов, так и самые настоящие, блатные. Первых перещелкали при разборках и определили на кладбища. Вторых разметали правоохранители, но лишь затем, чтобы занять их место и доить торгашей культурненько, без утюгов и бейсбольных бит. Лет десять продолжалось такое положение дел, пока менты с чекистами не переметнулись к крупному бизнесу, где можно было насосать куда больше. Мелкие предприниматели вздохнули с облегчением и начали наращивать жирок, пока экономическая нестабильность и политическое разгильдяйство не загнали страну туда, откуда она с таким трудом выкарабкалась. В глубокую задницу.

И появились в Неверске новые банды, именуемые теперь уважительно: организованные преступные группировки. За право собирать дань на Терешковском рынке боролись сразу три ОПГ: спортивная, уголовная и этническая. Каждый полицейский города знал об их существовании, а также мог назвать главарей группировок и их наиболее отличившихся подручных. Не являлось это тайной и для Геннадия Ильича Карачая.

Слушая сбивчивый рассказ, он определил, что разборка произошла между качками и блатными. Подстрелили члена спортивной банды, возглавляемой бывшим чемпионом по боксу в легком весе Вадимом Засыпкиным по кличке Муха. Блатарей было меньше, но они выхватили стволы первыми и действовали более решительно.

— Бах-бах! — рассказывал сторож Власенко. — Громко так, я чуть не оглох. И полыхало... мать моя женщина!

— А вы что? — спросил Геннадий Ильич, водивший ручкой по бланку и, естественно, пропускавший цветистые обороты.

— Прятаться полез, что же еще, — был честный ответ. — Забился в щель между коробками, а сам думаю, чего со мной сотворят, ежели найдут. У меня ведь только травматический пистолет, да и то для виду.

— Это как? — профессионально заинтересовался Геннадий Ильич.
— Нет разрешения на ношение оружия?

— Разрешение есть, — пояснил Власенко. — Патронов нет. Все расстрелял, когда от подростков отбивался, а на новые не накопил.

— Зато на водку нашел.

— Боже упаси, начальник! Бутылочку пива выпил и только.

— Потому на ногах не стоял?

— У меня с аппаратом проблемы, — нашелся сторож. — С этим, с вестибулярным.

— Настоящие проблемы будут, если бухать не бросишь на дежурстве, — предупредил Геннадий Ильич. — Ставь подпись и ступай греться. Пить не вздумай. Тебя сегодня еще не раз дернут.

Разделавшись со сторожем, он направился с рапортом к следователю, но тот слушать не стал, спросил рассеянно:

— Примет и номеров машин, значит, не имеем? Свободен, майор. Без тебя справимся.

Как будто Геннадий Ильич сам вызвался показания под дождем собирать. И сказано это было таким тоном, словно с ним не прокурорский капитанишка разговаривал, а по меньшей мере генерал МВД.

Плюнул он дождевой водой и отправился в отделение чай заваривать. В ботинках хлюпало, а в носу нет. Это обнадеживало.

Глава 2. День участкового

Майору Карачаю по инструкции полагалось смениться в восемь утра и отбыть домой на заслуженный отдых, но второй участковый, лейтенант Шагутин, опоздал на целый час, а в девять позвонили из приемной областного управления и вызвали на ковер.

Ехать не хотелось. Ничего хорошего в управлении Геннадий Ильич не ждал. Сырые брюки, утратившие стрелки, неприятно холодили ляжки, ботинки чавкали при ходьбе, подкладка плаща тоже не просохла. Дождь сменился отвратительной туманной моросью, в которой призрачно плавали круги света от проезжающих машин.

Геннадий Ильич с трудом отыскал на стоянке место для своей «шкоды», выглядящей здесь, как бедная родственница на светском рауте. Никто не спрашивал у блюстителей закона, где взяли они деньги на приобретение столь дорогих автомобилей. Это подразумевалось само собой.

Недавно отремонтированное управление МВД ни в чем не уступало офису какой-нибудь солидной компании, гонящей по трубопроводам горючее или сплавляющей за море металлопрокат. Оформляя пропуск и видя себя в зеркальной стене, Геннадий Ильич особенно остро ощутил свою помятость и неприглядность в этих блистательных чертогах. Ботинки его жалобно попискивали, ступая по сверкающему мрамору.

В приемной секретарша окинула его неприветливым взглядом и, не расщедрившись на улыбку, велела ждать. Он опустил на край кожаного дивана величиной с гиппопотама, взял блестящий журнал со столика и притворился, что углубился в чтение статьи о феномене современной селебрیتی-культуры. Текст был напичкан слэнгом и словосочетаниями, на которых спотыкалось сознание: панегирический байопик, антикапиталистический пафос, жертва абьюза, сюрреалистическое диджейство, прагматические суббренды. Эти и прочие выражения понадобились автору лишь для того, чтобы порадоваться своему превосходству над заурядными персонами, не способными продраться сквозь его словесные дебри.

«Все вы тут умные, — зло подумал Геннадий Ильич, — а я так, погулять вышел».

Он догадывался, зачем его вызвали, хотя скрывал правду от себя, выдумывая всякие неправдоподобные поводы, вроде вручения ко дню рождения ценного подарка, скажем, именных часов или наградного оружия. Его кликнули, как пса, чтобы дать пинка под зад, вот и все дела. Для какой бы еще цели генерал-лейтенант Харламов снизошел до более чем скромной персоны участкового?

Как только Геннадий Ильич позволил себе посмотреть правде в глаза, ему стало легче. Он небрежно положил ногу на ногу и бросил журнал на стол. Пошли вы все на хер, жертвы абьюза!

В приемную вошел высокий мужчина в штатском и произнес уверенным, зычным баритоном:

— Что, Лидочка, шеф занят еще? Ладно, набери, когда освободится. Отличная помада. — Он собрался выйти, когда его взгляд остановился на Геннадии Ильиче. — Гена? Карачай?

Геннадий Ильич понял, что видит перед собой бывшего однокашника, с которым начинал службу. Лешка Лепехин, такой же дембель, как он сам, пришедший в милицию не столько за зарплатой и гособеспечением, сколько за правдой и справедливостью. И вот теперь раздобрел, приделался, прическу соорудил и дверь к начальству чуть ли не ногой открывает.

— Привет, Алексей, — сказал Геннадий Ильич, вставая, чтобы ответить на рукопожатие.

Его не последовало. Лепехин ограничился сдержанным кивком.

— Точно, Карачай, — произнес он удовлетворенно. — Зрительная память у меня стопроцентная. — Бывай, Карачай.

И вышел.

Геннадий Ильич как стоял, так и сел. Зрительная память у него! А как вместе в общаге ютились, забыл? Как мелочь из карманов выгребали, чтобы скинуться на ужин, заменявший завтрак, обед и полдник с ланчем? Как чуть не сгорели заживо в строительном вагончике, где их заперли, чтобы угостить бутылкой с зажигательной смесью? Далеко пошел Лешка Лепехин, так далеко, что позади уже ничего не видит. Только зрительная память осталась, блин. Для другой места уже нет.

И такая злость охватила майора Карачая, что весь он словно бы заледенел внутри и в генеральский кабинет вошел очень прямой, с высоко поднятой головой и расправленными плечами.

Харламов, как и положено генералу, был мордаст, с крупными чертами лица, широким носом и маленькими глазами. Очки в массивной оправе смотрелись на нем диковато, как если бы их нацепил тракторист или, допустим, мясник, которому нет никакой необходимости портить зрение.

— Присаживайся, майор, — произнес он прокуренным донельзя голосом. — У меня для тебя хорошие новости.

Выходит, Геннадий Ильич все-таки ошибся? Не уволят его, а наградят за годы безупречной службы? Может быть, в звании или в должности повысят? Хорошо бы. Супруга уже запилила совсем, сил нет терпеть.

— Слушаю, товарищ генерал! — воскликнул Геннадий Ильич, вскинувшись со стула.

Харламов помахал рукой:

— Сиди, сиди, майор. Как тебя звать-величать? — Он заглянул в листок бумаги, лежащий перед ним. — Кононов Евгений Русланович...

— Карачай я.

Харламов опустил голову ниже, придерживая очки пальцами.

— Ну да, Карачай. Геннадий Ильич. — Он поднял взгляд, в котором уже не сквозило ничего похожего на благодушие. — Новость вот какая, майор. Отправляешься ты на заслуженный отдых. С сегодняшнего дня, но с сохранением зарплаты за этот месяц. Приказ подписан. Так что сдавай дела, оружие и гуляй. Хобби есть? — Не дожидаясь ответа, генерал закончил напутствие: — Вот и занимайся им, развивай, получай удовольствие. В отделе кадров тебе объяснят, что и как.

— Про хобби?

— Про все. Ступай. Благодарю за службу, майор.

Геннадий Ильич ничего не ответил на это. Его губы были плотно сжаты, глаза прищурены. Он встал и отправился за обходным листом. Настроение было испорчено и не желало улучшаться от поздравлений с днем рождения, то и дело звучащих по телефону. Позвонили родители, несколько родственников разной удаленности, так называемые друзья и знакомые. Когда Геннадий Ильич возвращался из управления, позвонил сын и последним высказался на тему отцовского дня рождения. Слова были правильные, обкатанные, а тон такой, будто Сережу напрягала необходимость произносить их вслух. До недавних

пор они были лучшими друзьями. После армии Сережу как подменили. Он стал тяготиться обществом Геннадия Ильича, избегать его. Устроился тренером в спортивный клуб и проводил там все время, обучая народ заниматься на тренажерах. Накачал мышцы, повзрослел, стал целеустремленным... и чужим.

— Спасибо, Сергей, — ответил Геннадий Ильич, выслушав поздравление. — Вечером поужинаем вместе?

— Сегодня не могу, папа, — сказал Сережа. — Дела. Честное слово.

— Как знаешь. Тогда удачи.

— И тебе, папа. Не обижайся.

— Да чего там. Дело молодое. Я понимаю. — Помолчав, Геннадий Ильич добавил: — С сегодняшнего дня я на заслуженном отдыхе. Пенсионер, всем детишкам пример. Как тебе такой оборот?

— Нормально, — сказал Сережа.

— Велели хобби обзавестись. Чудное слово. От «хобота» производное?

— Не знаю. Я это... Тут у меня... В общем, пока, папа.

— Пока.

Ответное прощание упало в пустоту. Сын успел отключиться. Поговорили, в общем. Я играю на гармошке у прохожих на виду.

Люси дома не было, но заготовки для праздника были сделаны впрок: составные для будущих салатов, буженина в фольге, уже почищенная, но не нарезанная селедка, крабовые палочки, намытая зелень. В холодильнике дожидалась своего часа запотевшая бутылка водки, ноль семьдесят пять. Принимать гостей Карачаи обыкновения не имели, так что все это роскошество предстояло поглотить в узком семейном кругу, да еще без Сережиного участия.

«Вот и хорошо, — произнес голос внутри головы Геннадия Ильича. — Нам больше достанется».

Они перестали ходить в гости и приглашать к себе еще в молодости, когда каждое подобное мероприятие заканчивалось каким-нибудь неприятным инцидентом: то чей-то муж оказывался перепачканным чужой помадой, то чью-нибудь жену на кухне тискали, то вообще разгорался спор на повышенных тонах, грозя перейти в ссору и даже потасовку. Карачаи решили, что с них хватит. Они не будут такими, как все. Им и вдвоем хорошо. А втроем, с сынишкой, еще лучше. Так и повелось. И Геннадий Ильич абсолютно не жалел об этом.

На стороне он выпивал редко, так как знал за собой тягу к алкоголю. Три раза в жизни с ним приключался форменный недельный запой, и воспоминания об этом были столь тяжелыми, что Геннадий Ильич дал себе зарок, которому следовал неукоснительно. Первое: никогда не смешивать напитки. Второе: не выпивать в общей сложности больше пол-литра крепкого алкоголя, как бы ни подмывало позволить себе лишнее. Третье: лучше сдохнуть от похмелья, чем похмелиться хотя бы глотком пива.

Люся была в курсе этих трех железных правил мужа, но все равно напрягалась всякий раз, когда он отмечал праздники с сослуживцами или находил повод открыть бутылку дома. За почти двадцать лет ужас от бывших пьянок не прошел, и она не чувствовала себя спокойно, пока Геннадий Ильич не отодвигал стакан и не вставал из-за стола. Он не сомневался, что так будет и на сей раз, но относился к причудам супруги с пониманием. Сам виноват.

Таково было еще одно его жизненное кредо. В неудачах своих винить не окружающих, а конкретно себя. Это было по-взрослому. Слишком давно Геннадий Ильич вырос из коротких штанишек, чтобы чувствовать себя никчемным сопляком, за которого все решают и делают другие. Генерал Харламов, конечно, свинья редкостная, но разве он запрещал Геннадию Ильичу поступить в училище или строчить рапорты, добиваясь перевода на новую должность? Сам мирился со своим положением, сам боялся нарушить комфортное равновесие, вот и расхлебывай теперь. Получите и распишитесь, товарищ отставной майор. И про хобби, про хобби не забудьте.

Что ж, увлечений у Геннадия Ильича хватало. Он любил читать и слушать музыку. Но настолько ли сильно, чтобы заполнить огромную брешь, образовавшуюся во времени? Пустота размером в десять-двенадцать часов в день. Это что же получается? Люська будет ходить на работу, а он дома сидеть? Костяшками домино во дворе щелкать? Так ведь нет давно никаких доминошников и шахматистов, повывелись. Придется Геннадию Ильичу в одиночку выкручиваться.

«Найду себе работу, — решил он, переборов искушение открыть бутылку и накапать себе пятьдесят целительных капель. — Все как-то устраиваются. Что, я хуже других? Руки из правильных мест растут, и между ушами кой-какой запасец мозгового вещества имеется. Не

пропаду. А хобби свои пусть, вон, генералы наращивают. Им нужнее. Они, небось, и гвоздь самостоятельно в стену загнать не могут. Пусть хоть марочки со значками перебирают. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не какало. Или не плакало? В общем, и то и другое».

Люся пришла с работы всего на полчаса раньше, а не на два, как обещала. Выглядела суетливой, но веселой и какой-то похорошевшей. Глаза так и сияли, как звездочки. Она была на десять лет младше Геннадия Ильича, а сегодня вообще могла сойти за тридцатилетнюю. Свой подарок он получил утром — псевдояпонскую беспроводную бритву и флакон одеколона к ней, — так что на сей раз Люся ограничилась поцелуем.

Это она так думала, что ограничилась.

Все, что пережил сегодня Геннадий Ильич, требовало выхода. Он был как банка со сгущенным молоком, которую поставили вариться на сильный огонь: еще чуть-чуть — и лопнет. Люся успела только протестующе вскрикнуть, когда он сгреб ее в охапку и, словно бы вальсируя, стал теснить в спальню.

После возвращения Сергея из армии это была единственная комната, где могли уединиться супруги Карачаи, поскольку гостиную пришлось отдать в его распоряжение. Раньше спальня выполняла функции детской, а вторую, более просторную комнату занимали родители, но теперь их мальчик вырос и ему было бы тесно в клетушке три на три метра. Там помещалась только кровать, старинный шифоньер и трюмо с треснутым зеркалом. Люся постоянно требовала заменить зеркало, утверждая, что трещина не к добру, но ничего плохого не происходило, а Геннадию Ильичу вечно не хватало времени на поиски мастерской.

Его устраивало зеркало. Его устраивала малюсенькая спальня, где двоим было не развернуться, если только они не лежали. И его во всех отношениях устраивала жена. Грудь у нее была большая, спелая, а талия сохраняла если не девичьи, то близкие к тому параметры. Такую фигуру, как у Люси, Геннадий видел только однажды. В кино. Это был какой-то старый итальянский фильм. Названия он не помнил. Имени киноактрисы тоже. Ему это и не требовалось. Ему было достаточно Люси. Ему не было необходимости представлять себе на ее

месте другую. Это всегда была она. И во время секса, и в остальной жизни.

— С ума сошел! — возмущалась она. — Сейчас Сережа придет.

— Не придет, — бормотал он, целуя ее в шею под ухом. —

Празднуем вдвоем.

— У меня сумка не разобрана. И не готово ничего.

— Поужинаем любовью, — ответил Геннадий Ильич, бессознательно цитируя какой-то анекдот.

Когда они рухнули на кровать, каждый из них на всякий случай вспомнил, что в изножье диване провалилось и теперь покоится на двух стопках томов детской энциклопедии.

Поскольку Люсины протесты не показались Геннадию Ильичу слишком уж настойчивыми, он все же раздел ее и разделся сам. Она смотрела на него не страстно и не притворно-сердито, а почему-то виновато.

— Мне в ванную нужно, Гена.

Не возражая, он приподнялся.

— Иди.

Она зачем-то собрала все свои вещи и выскользнула из спальни. «Странная она какая-то, — отметил про себя Геннадий Ильич. — И что у нее с сосками? Как будто воспаленные. Натерла, что ли?»

Он хотел спросить, но, когда Люся вернулась, все посторонние мысли вылетели у него из головы. Осталась только одна. Не пролиться в первые же минуты. Это была очень важная и очень непростая задача. Геннадий Ильич и до ста сосчитал, и левую руку изгрыз чуть ли не до крови. Но сдерживался. Ждал, когда жена выйдет на финишную прямую. У нее это всегда сопровождалось покашливанием. Если кашлянула, то вот-вот вскрикнет.

«Ну! — мысленно торопил ее Геннадий Ильич. — Ну? Давай. Давай».

Вместо того чтобы прислушаться к его мысленным призывам, она попросила:

— Сам, Гена. Хорошо? Сам.

— Почему? — не понял он. — Что не так?

— Больно, — пожаловалась Люся.

— Тогда, может, не надо?

Геннадий Ильич сделал движение, чтобы приподняться. Она схватила его за поясницу. Этого хватило, чтобы он позабыл обо всем и взорвался, запульсировал, обмяк в изнеможении.

— Все в порядке? — спросил он, полежав на Люсе меньше обычного.

— Да, — коротко ответила она, вставая.

— Провериться надо. Сходи к специалисту.

— Уже была.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ